

85.314

В.18

**ЛЕГЕНДЫ
И ЖИЗНЬ
ЛИДИИ
РУСЛАНОВОЙ**

“И по сей день мне хочется
поклониться бабке,
приволжскому детству
и народу русскому за любовь к песне”.

Л.А. РУСЛАНОВА

ОБ

Владимир ВАРДУГИН

85.314

В 18

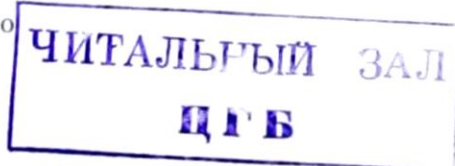
Легенды и жизнь ЛИДИИ РУСЛАНОВОЙ

83 81240-1 ✓

Саратов
Приволжское книжное издательство
1999

ББК 85.33 (2)

В 32

Историко-краеведческое издание

Художник *Г.М. Панфёров*
Редактор и корректор *Т.Е. Вардугина*
Технический редактор *Л.Г. Феклистова*
Компьютерный набор *Л.В. Воронкова*
Компьютерная вёрстка *М.О. Муляш*

Автор выражает сердечную благодарность за помощь в работе над книгой архивисту Государственного архива Саратовской области Ольге Константиновне Пудовочкиной, библиотекарю областной универсальной библиотеки Ирине Петровне Карповой, преподавателю Саратовской консерватории Виктору Ивановичу Егорову, преподавателю областного училища культуры Ирине Львовне Егоровой, учителю истории школы-системы № 4 г. Саратова Жану Жановичу Страдзе, начальнику УВД Саратовской области Павлу Петровичу Сальникову, а также благодарит Юлию Авдеевну Лейкину за предоставленные фотографии из семейного альбома и краеведа Владимира Хайруловича Валеева за редкие иллюстрации старого Саратова.

В 32

Вардугин В.И.

Легенды и жизнь Лидии Руслановой. – Документальная повесть. – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1999. – 240 с., ил. – (Их имена в истории края)

Повесть о великой певице Лидии Андреевне Руслановой (урождённой Прасковье Андриановне Лейкиной) – первая попытка проследить жизненный путь нашей замечательной землячки. Книга выходит в преддверии столетия со дня рождения артистки и рассчитана на всех, кому дороги русская культура и народная песня.

В 4908000000
153(01) – 99

ISBN 5-7633-0851-4

ББК 85.33(2)

© Приволжское книжное издательство, 1999

© Вардугин Владимир Ильич, 1999

© Панфёров Геннадий Михайлович, оформление, 1999

ИБ 17

Лицензия ЛР № 010016, выд. 30.12.96

Подписано в печать 27.10.1999. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 15 Тираж 3000 Заказ 2009

Приволжское книжное издательство
410600, Саратов, ул. Вольская, 58

Государственное унитарное предприятие
ордена Трудового Красного Знамени
полиграфический комбинат Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций.

410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

РУСЛАНОВА – ЭТО РУССКАЯ ПЕСНЯ

Лидия Андреевна Русланова. Её значение в русской культуре трудно переоценить, чаще можно столкнуться с недооценкой её творчества, как при жизни, так и теперь. Много споров велось вокруг её имени. Её биография обросла легендами. Одни из них правдивы, другие неправдоподобны и противоречивы. Бесспорно одно – незаурядность её личности, её выдающегося таланта. Бог одарил Лидию Андреевну удивительной способностью впитывать в себя всё, что помогает раскрыть душу в песне. А песне она отдала себя без остатка.

Искренне веря и сопереживая каждому слову, каждому повороту событий сюжета, она находила такие интонации в голосе, что не могла оставить равнодушным никого из слушателей. Жизненная правда, свойственная русским народным песням, приобретала в её исполнении наивысшую значимость.

Многие из наших современников, не искушённых в народном творчестве, могут сказать: "И что так восхищаются этими народными песнями, что может быть интересного в этом примитивном, отжившем своё старье? Всё это не современно".

Хочется возразить таким горе-ценителям, поразмышлять о значении народного песенного искусства.

...Социальное разграничение общества в России в XVIII-XIX вв. привело к разделению культуры. Светское общество тянулось к западно-европейской культуре, а простой люд бережно хранил и развивал наследие своих предков.

С особым почтением русский человек относился к песне, и не только потому, что она сопровождала его от рождения до смерти, но и, вероятно, потому, что для исполнения песни требовалось особое, возвышенное состояние души. Ведь во время пения как бы происходит очищение, сходное с прочтением молитвы. Артельное пение объединяет людей в общем эмоциональном порыве, доносит до слушателей не просто содержание песни, но и производит особую энергетику положительного заряда. Вот почему песня, исполненная искренне, бескорыстно, задевает за живое, заставляет думать, волнует. Огромная сила воздействия песни на окружающих вселила у наших предков много веков назад уверенность в том, что пением можно общаться и влиять на силы природы. Так возникли обряды и удивительные по своей неповторимой простоте и лаконичности календарные обрядные песни. Многим из них более 2000 лет. Астрономический возраст, не правда ли?

А причитания! Сколько чувства, экспрессии, яркого поэтического таланта вкладывали вопленицы, стремясь выплеснуть своё горе в рождающихся сиюминутно скупых, но необычайно ёмких, идущих из глубины души слово-интонациях. Это ли не школа импровизации!

Не зря Лидия Андреевна Русланова, вспоминая детские годы, говорила о том, как бабушка причитала, провожая её отца на войну. Эти причитания потрясли воображение маленькой девочки, и после она часто упрашивала: “Баба, повопи по тятеньке...”.

Да, народная песня и исцеляла, и утешала, воспитывала и поучала, предостерегала и веселила, забавляла и высмеивала.

Но этого мало: песня отражала и хранила в памяти поколений историю нашей Родины.

Какой ещё народ на протяжении более 500 лет мог хранить в памяти и передавать из уст в уста, из поколения в поколение песню о русской женщине, попавшей в татарский полон и узнавшей в молодой жене хана свою дочь, полонённую в раннем детстве? А ведь эта песня “За рекою, за великою” (вариант “Как за речкою, да за Дарьею”) дожила до наших дней.

Стоит ли удивляться, почему наш народ так трепетно относится к пению и к песне. Песня, во всех её проявлениях, была естественной потребностью самовыражения. Да! Только духовно богатый и талантливый народ мог создать, ценить и постоянно воссоздавать такие шедевры. Не зря говорят, что песня – душа народа. Изучая русскую песню, с восхищением осознаёшь, как она богата, щедра, талантлива, искренна, чиста!

Все эти слова можно сказать и о гениальной русской певице Л.А.Руслановой. Сама судьба распорядилась родиться ей в начале последнего столетия второго тысячелетия. В 1900 году. Столетия, исковеркавшего судьбу людей, пытавшегося искоренить веру в Светлое Божественное начало, растоптать древние национальные традиции... Многое выпало на долю России за эти 100 лет: разруха и новостройки, войны и великая победа, репрессии и освобождение.

Словно в фокусе отразились все перипетии истории в жизни Лидии Андреевны. Ровесница века, она отразила в своём творчестве целую эпоху со всеми светлыми и горестными сторонами. Хлебнула через край! Раннее сиротство, нищенство, приют, работа на мебельной фабрике... Но все эти тяготы не сломили её, а лишь укрепили характер и складывали в эмоциональную копилку богатый опыт утрат, переживаний, радостей, любви. Огромной любви к народной песне.

Голос её – могучий, необычайно яркий – мог передать тончайшие оттенки музыкальной речи. Он то заставлял сжиматься сердца от ужаса и боли, когда перед глазами вставал образ ямщика, рыдающего над замёрзшей и занесённой снегом возлюбленной, то пробуждал ликованием от восхищения “бабочкой молоденькой, чернобровенькой, хорошенькой”, то вызывал неподдельный смех от ухищрений Катерины, оправдывающейся перед мужем: ...что ели, что пили и где ночевали её гости.

Но только ли в голосе дело? Конечно же, нет. Голос лишь помогал воплотить то, что чувствовала и о чём думала великая певица. Она не столько пела, сколько играла песню. Играла голосом, интонацией, скупыми, но очень выразительными жестами. Всё это – слагаемые артистического таланта Руслановой. Каждая её песня – мини-спектакль. Театр одного актёра. Порой создаётся впечатление, что она сказывает песню, каждый раз находя новые интонационные обороты для раскрытия подтекста, точно расставляя акценты, импровизируя варианты напева в зависимости от содержания строк, так как это испокон веков делали народные певцы. Невольно на ум приходят слова Евгении Эдуардовны Линёвой, одной из знаменитых фольклористок, прекрасного музыканта и знатока народного творчества, писавшей в начале нашего столетия: “На стороне народных исполнителей всегда остаётся преимущество, которое мы можем приобрести только огромной работой над собой. Народ импровизирует песню, мы заучиваем её по нотам. В то время как в народном исполнении песня льётся непрерывной струёй, у нас всегда слышно деление на такты и ноты...”

... Я убеждена, что до тех пор, пока мы не вживёмся в песню, как вживается каждый настоящий артист в свою роль, до тех пор наше исполнение будет слабо и бледно. Для того, чтобы нам петь хорошо народные песни, нужно знать их и работать над ними... Нам нужно учиться импровизировать.

Артист только тогда станет наравне, а может быть и возвысится над природным певцом, когда, подобая ему, будет во время исполнения наслаждаться песней, вкладывать в неё душу.”

Эти слова как нельзя лучше характеризуют творческое кредо Руслановой. Лидия Андреевна очень много работала над песнями. У слушателей только создаётся впечатление, что она поёт всё с такой лёгкостью. А на самом деле каждую песню нужно выстрадать, и одним талантом тут не обойтись. Можно себе представить, сколько приходилось Лидии Андреевне наблюдать, подмечать характеры, поведение людей в различных ситуациях, чтобы потом воплотить всё на сцене.

А какое потрясающее чувство прослеживается в её песнях! Неповторимое обаяние придавали её пению сохранение диалекта и безукоризненное владение всеми вокальными приёмами народной манеры, которые звучали так естественно, ненавязчиво и всегда в меру. Ничего лишнего не было в её исполнении.

Особо стоит отметить волжские песни, подтверждающие место рождения певицы. Ведь она пела их по-саратовски, или, как у нас говорят, “п-саратски”, на типично саратовском говоре. Тут слышится и изменение корневых гласных: ряка (река), биряга (берега), вчарась (вчера), тижало (тяжело); пропуск или недоговаривание гласных в суффиксах и окончаниях: “на дубу сидит (ы) варон”, “Знам дел – уморилась” и пр. Саратовский стиль прослеживается и в особом вокальном приёме, распространённом в

Поволжье, придающем звучанию песни яркий колорит. Это свободный переход из грудного регистра в головной, так называемый "тонкий голос", без использования микста, в песнях широкого диапазона.

Лидия Андреевна стала первой исполнительницей многих песен советских композиторов: "В землянке" – К.Листова-А.Суркова, "Катюша" – М.Блантера-М.Исаковского, "Синий платочек" – Ю.Петербургского-Я.Галицкого. Для каждой песни она находила соответствующий тембр.

С какой теплотой звучит её "Катюша"! Сейчас эту песню поют суетливо, с некоторым бравурным оттенком, а в исполнении Руслановой она лирична, трепетна.

Большое выразительное значение в её песне имеет темп, демонстрирующий безупречный вкус и чувство меры певицы. Особенно поражает выбор темпа в протяжных песнях.

Предельно медленный, скорбный темп в песне "Меж высоких хлебов затерялся", передающий крайнюю степень безысходности, позволяет вслушаться и вдуматься в каждую фразу текста, пережить трагедию случившегося вместе с певицей.

Совсем иной характер медленного темпа в песне "Вниз по Волге реке". Здесь Русланова как художник рисует широкие просторы Волги-матушки, вольно бороздящий её волны стружок с удалыми гребцами и на фоне этой героико-эпической картины – личная драма юноши, готового утопить "грусть-тоску" неразделённой любви.

Говорить о песнях Руслановой можно бесконечно, но никакие слова не заменят впечатления от прослушивания записей с её исполнением. Лидии Андреевне удалось поднять сольную исполнительскую традицию в естественной разговорной манере на такой высочайший уровень, что подлинная народная песня заняла достойное место на эстраде 20-х – 40-х годов.

Сейчас уже можно с полной уверенностью сказать: её пение – это эталон мастерства для исполнителей народной песни. Не удивительно, что ни одна из современных певиц в народной манере не достигла такого совершенного проникновения в глубину русской песни. Не зря ею восхищался сам Ф.И. Шаляпин, гений оперной сцены, который также любил русские песни и превосходно исполнял их.

Подражать Руслановой невозможно, т.к. никакая копия не заменит оригинал. Подражание голосу Руслановой всегда будет выглядеть пародийно. А вот учиться у неё необходимо всему. Для этого нужно изучать её творчество, как можно больше слушать песен в её исполнении и не копировать её манеру, а искать свой путь в интерпретации тех или иных произведений, учиться импровизации и тому глубокому проникновению в песню, которым обладала Лидия Андреевна Русланова.

Ирина ЕГОРОВА,
преподаватель Саратовского областного училища культуры,
фольклорист.

“ТОЛЬКО БЫ УНЫЛЫМИ БУКВАМИ НЕ ВРАТЬ ЧЁРНЫМИ ЧЕРНИЛАМИ В БЕЛУЮ ТЕТРАДЬ”

Необходимое объяснение с читателем

Поэтические строки, вынесенные в заголовок, вспомнились мне вот почему.

Писать о Лидии Андреевне Руслановой я не собирался: и без меня, полагал я, журналисты уже всё выспросили, разузнали, а музыковеды разобрали по косточкам все исполненные ею песни, всё обсудили и растолковали. Но случайно узнал, что она – и не Лидия, и не Андреевна, и не Русланова, – и ниточка поиска повлекла за собой, накручиваясь на стержень интереса: каждый новый факт её биографии, добытый в беседе с родственниками певицы, либо обнаруженный в архивных документах, разъясняя одну загадку, порождал множество новых. Изучение жизни Руслановой, как я понял, подобно исследованию Луны – кто-то из астрономов изрёк: только разрешишь один вопрос, связанный со спутницей Земли, как возникают семь новых вопросов. Так и здесь. Достаточно сказать: первый сохранившийся документ, связанный с именем Руслановой, относится к 1920 годам, когда она поступила на работу артисткой в театральное бюро Центрального Дома Красной Армии (г. Москва). А первые двадцать лет её жизни – от них исследователям остались только семейные предания, слухи да ещё редкие высказывания самой певицы: не любила она вспоминать о прожитых годах. Почему? Бог весть... Можно только предположить, что замечание поэта Николая Глазкова – «чем столетье интересней для историка, тем для современников печальней...» – верно и применительно и к истории человечества, и к судьбе каждого человека. Нам сейчас очень и очень интересно проследивать шаг за шагом жизненный путь легендарной артистки, а каково было ей пройти его? Тут и краткий счастливый миг раннего детства под крылышком у родимой матушки, и ласка любящей бабушки, и сиротские слёзы сурового приюта, и тяжкая работа на фабрике в девичестве, и раннее замужество на фронте империалистической войны, куда она попала с санитарным поездом (потом её ждали ещё три войны), и неслыханная слава первой певицы России, и тюремные застенки следом за всенародным признанием её заслуг. А

ведь случилось ещё и чудесное обретение отца, вернувшегося с русско-японской войны (его гибель уже оплакали), и встреча с братом и сестрой после семнадцатилетней разлуки (развезённые по разным приютам, они потеряли друг друга из виду), и знакомство с сестрой, о существовании которой она и не подозревала долгие годы.

Научную биографию Руслановой написать очень трудно: слишком мало достоверных данных. Зато её жизнь – кладёз для писателя детективов или сценариста «мыльных опер»: сюжет так лихо закрутила судьба, что и выдумывать ничего не надо: расставляй вежи пройденного пути – и получится захватывающая, остросюжетная повесть. Надо только чуть-чуть домыслить, немного пофантазировать...

Художественный вымысел допустим в романах, кинофильмах. Но это – не жизнеописание конкретной личности, а произведение «по мотивам...» Мне же хочется познакомить читателя с достоверной, подлинной биографией великой певицы. Без домыслов. Даже если так и тянет вставить один-единственный придуманный штрих, чтобы благодаря ему разрозненные сведения сложились в стройную систему... В том-то и беда, что вымысел исказит картину, заведёт не туда.

Один московский журналист, земляк Руслановой (родом из соседнего села), открыв для себя много нового о детстве певицы из бесед со старожилами, попытался расследовать, каким образом шестилетняя сирота из далёкой Даниловки на окраине губернии оказалась в саратовском приюте. Вот что он сообщил читателям центральной газеты:

«Деревенская «шансонетка» давала представления со своей холщовой сумкой и перед домом помещика Алексея Сергеевича Усова, постоянно жившего с женой в Даниловке. Журналист И. Прут, знавший Русланову с детства, в опубликованных воспоминаниях упоминает о некоей «чиновнице», интересовавшейся талантливой девочкой и определившей её в детский приют. Но какие чиновники могут быть в обыкновенном селе, хотя бы и волостном центре? Речь может идти только о супруге Усова, поскольку тот в годы детства Руслановой был председателем Петровской уездной земской управы и по роду службы обязан заниматься призрением сирот и нищих.

По-видимому, используя влияние мужа, эта женщина добилась помещения Агаши в привилегированный детский приют-школу при Киновийской церкви г. Саратова (сообщение Г.В. Ерёмкина, беседовавшего с Руслановой). Её брат и младшая сестра попали в другие, обычные приюты. Чтобы добиться для Агаши разрешения для устройства в лучший в Саратове приют-школу, помещица попросила волостное правление составить фиктивный документ. Нынешние старики о содержании «липы» точно не знают и говорят так: «Надо было написать, что она из богатой семьи, иначе её не примут учиться на музыку».

О музыке старики не зря обмолвились. В Киновийском приюте в то время был учитель пения Николай Никодимович Дмитриев, действовал популярный в Саратове детский церковный хор».

История устройства сироты в церковный приют изложена красиво: сердобольная помещица спасает для России будущую звезду эстрады, не даёт пропасть таланту... Но красиво – не значит достоверно. В Государственном архиве Саратовской области хранится «Дело Петровской уездной земской управы о службе Председателя Управы Алексея Сергеевича Усова» (Ф. 770, оп. 1, д. 60), того самого помещика, который в начале века жил в Даниловке, родной деревне Руслановой. В цитированной выше статье сказано, что Усов «в годы детства Руслановой был председателем Петровской уездной земской управы и по роду службы обязан заниматься призрением сирот и нищих». Однако в архивном документе означено, что на эту должность Усов избран 5 октября 1908 года, между тем как сама Русланова заявляла: «Лет семи попала я в Саратове в сиротский приют» (статья Лидии Андреевны Руслановой «Жизнь моя, песня», «Советская эстрада и цирк» № 7, 1968).

Ну, хорошо, певица не утверждала: семи лет, а говорила – лет семи. Возможно, и в 1908 году отдали её в детский дом. Отдал кто угодно, только не помещица Усова: в архивном документе с 1891 года по 1915 год в графе «семейное положение» неизменно значится: «Холост». Не было жены у помещика Усова! А значит, и не составляла она никакую «липу». «Липу» подсунул читателям журналист. Не лучше ли было честно сказать, что он не знает, каким образом сирота оказалась в Саратове?

Излагать историю детства и юности Руслановой можно лишь в предположительном ключе: нет упоминания ни её имени, ни фамилий её родственников в тех документах, кои удалось просмотреть за долгие годы поисков в архивах. Насколько мне известно, не разыскали документов с упоминанием имени Руслановой (тогда ещё не Руслановой) и другие краеведы. Не найдена и запись в метрической книге о её рождении. И потому не понятно, откуда взялась Агаша? Родственники певицы утверждают, что нарекли её при крещении Прасковьей, и этому можно верить с большим основанием: дата её рождения – 14 октября по православному стилю, но ведь 14 октября – день памяти преподобной Параскевы Сербской, других женских имён в этот день в святцах нет. Вероятно, в честь достославной, всечестной святой Параскевы и нарекли будущую певицу.

Л.А. Русланова, 1946 г.

Много неточностей в статье, опубликованной в центральной газете. Произошли они от стремления догадки и слухи выдать за достоверные факты. И ещё – от излишней категоричности. С чего взял автор, что приют при Киновии – лучший в Саратове? Не от желания ли «поместить» героиню своего очерка в самое престижное заведение, мол, как же иначе, не кого-нибудь призраиваем – гордость России. Немножко додумал, чуть-чуть приукрасил – и появилась помещица Усова...

В нашем повествовании самым распространённым знаком препинания будут кавычки: лучше познакомить читателя с подлинными документами или высказываниями тех, кто знал Русланову, нежели пересказывать первоисточник – и меньше потери информации, и колоритнее получится рассказ. Правда, есть опасность из повествователя превратиться в составителя сборника чужих мыслей. Постараюсь, однако, наполнить книгу прежде всего собственным отношением к героине, передать свои чувства – восторга и поклонения перед мужеством человека – Прасковьи Андриановны Лейкиной, с достоинством пережившей все перипетии судьбы, и восхищения от таланта певицы – Лидии Андреевны Руслановой.

Встретится на страницах книги и много вводных слов – «вероятно», «возможно», «быть может», «предположительно», «наверное»... Потому что хочу просто познакомить читателя с теми фактами, которые удалось отыскать, а не навязывать ему свою точку зрения. Полагаю, что вдумчивый читатель сам сможет из предоставленных материалов сделать нужные ему выводы.

Не будет ли скучным такое повествование? Не заснёт ли читатель над унылыми строчками цитируемых документов? Постараюсь, не утомляя читателя излишними подробностями, рассказать ему всё, что знаю о Руслановой, рассказать с тем интересом, с каким разыскивал сведения о певице, о её связях с саратовским краем. И дай мне Бог избежать монотонности, а также уберечься от соблазна в угоду занимательности прибегать к услугам «жены помещика Усова».

**«Я РОСЛА
В ДЕРЕВНЕ,
В САРАТОВЕ»**

УРОДИЛАСЯ Я

Не спеша

G C G D₇ G E_m E₇ A_m

У - ро - ди - ла - ся я, как бы - ли - нка в по - ле,

G C E_m A_m G E_m H₇ E_m

мо - я мо - ло - дость про - шла у лю - дей в не - во - ле.

Уродилася я,
Как былинка в поле,
Моя молодость прошла
У людей в неволе.

Лет с двенадцати я
По людям ходила:
Где качала я дитя,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала,
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе дв неволя.
Знать, такая моя
Уродилась доля!

Уродилася я
Девницей красивой.
Судьба злая не дала
Мне доли счастливой.

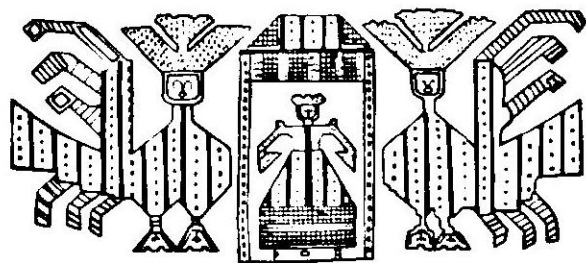
И у птицы есть гнездо,
У волчицы дети,
У меня лишь, молодой,
Никого на свете.

Птица в темном лесу
Звонко распевает,
И волчица с детьми
Весело играет.

Сирота я, сирота,
Плохо я одета.
Никто замуж не берет
Девницу за это.

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка,
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

В сентябре 1993 года ко мне в Приволжское книжное издательство пришли супруги Егоровы. Виктор Иванович – преподаватель консерватории, Ирина Львовна – педагог областного училища культуры. Они готовили первый Поволжский конкурс и фестиваль молодых исполнителей народной песни имени Лидии Андреевны Руслановой, слышали, что я публиковал в газете очерк о нашей замечательной землячке и попросили написать для участников конкурса брошюру о творческом пути певицы. Я согласился, однако времени до открытия фестиваля оставалось мало, и потому ограничился общеизвестными данными: родилась в Саратовской губернии, в деревне, а в какой именно – до сих пор неизвестно; рано осиротела, воспитывалась в приюте, потом работала на мебельной фабрике, её певческий талант заметили и пригласили заниматься в консерватории...

Среди тех, кто принял участие в организации Поволжского конкурса имени Руслановой, была журналистка Тамара Георгиевна Кайль – заместитель председателя Саратовского отделения международного фонда славянской письменности и культуры. Где-то через полгода после фестиваля она позвонила мне: «Вы в брошюрке отметили, что Русланова – сирота. А с моим сыном в школе учится мальчик – родственник Руслановой. Это утверждает его бабушка, Мария Петровна Миронова. Настоящее имя Руслановой – Прасковья Андриановна Лейкина! Мария Петровна приглашает нас в гости».

И мы навестили Марию Петровну. К сожалению, она никогда не видела Русланову, однако долгие годы жила со своей свекровью – Еленой Ивановной Мироновой (урождённой Нефёдовой), родной сестрой мамы Лидии Андреевны. От свекрови она и слышала семейные предания о жизни будущей певицы в деревне Даниловке Петровского уезда Саратовской губернии.

– Да вы бы съездили в Даниловку, – посоветовала Мария Петровна. – Там вам больше расскажут, в Даниловке живут двоюродные племянники Руслановой.

К поиску подключились супруги Егоровы, и в сентябре 1995 года мы с Ириной Львовной поехали на родину Руслановой.

Когда слышишь, что такой-то факт был неизвестен, а некий историк нашёл его – надо иметь в виду, что открыл он его прежде всего для себя, опубликовал для всех, кто прочтёт статью или книгу, а этот самый факт был известен многим и многим, не подозревающим, что сей факт – неизвестный. В Даниловке мы обратились к первому встречному, объяснив, что мы, журналисты и музыканты, ищем родственников Руслановой, хотим узнать, правда

ли, что она родом из Даниловки и что её фамилия – Лейкина? Прохожий ничуть не удивился, сказав, дескать, все у нас знают, что будущая артистка – Прасковья Лейкина, а родилась она не в Даниловке, а в соседней деревеньке, отстоящей отсюда в четырёх километрах – в Александровке. «Вы, конечно, можете туда проехать, – предложил наш случайный собеседник, – но там ничего интересного нет: осталось полтора десятка изб; дом, где жила Русланова, сломали. А вот в Даниловке проживают её двоюродные племянник и племянница: Лев Ларионович и Капитолина Ларионовна Горшенины». И он вызвался проводить нас к ним.

Выступая перед телезрителями в сентябре 1971 года, Лидия Андреевна вспоминала: «Я росла в деревне, в Саратове, в Саратовской губернии жила. Там жил дед, бабка, – большая, бедная семья, огромная. Дед был злой, сердитый, потому что был неродной, детей много, невесток много. Дед сердился и лупил нас по любому поводу».

Звали того деда Дмитрием Алексеевичем Горшениным. Лев Ларионович и Капитолина Ларионовна – его правнуки. Рассказав нам всё, что помнили из семейных преданий, они дали саратовский адрес Марии Гавриловны Шурмановой. Её мать, Макрида Фёдоровна – двоюродная сестра матери Руслановой.

Вскоре мы встретились и побеседовали с Марией Гавриловной. Немного погодя отыскали и в Энгельсе дочерей двоюродной сестры Руслановой, Аграфены Федотовны Шамаевой, – Галину Гавриловну и Елизавету Гавриловну. Из рассказов родственников постепенно прояснилась история семьи, в которой и родилась будущая певица.

Лет за десять до рождения Руслановой из волостного села Даниловка Петровского уезда (в настоящее время относится к Лопатинскому району Пензенской области) выселились несколько семей – старообрядцев поморского согласия, бывшие крепостные крестьяне. Обосновались они в четырёх верстах от прежнего мес-

*Мария Гавриловна
Шурманова, 1960-е годы*

*Мария Петровна
Миронова, 1960-е годы*

та жительство, срубив избы на краю оврага, который и поныне прозывается Воровским, на берегу речки Чернавки. Деревеньку назвали Александровкой. Среди тех, кто решил попытаться счастья на новом месте, был и вдовый мужчина Дмитрий Алексеевич Горшенин. Здесь он сошёлся с вдовой – Дарьей Лейкиной, мордовкой из соседнего села, растившей после смерти Маркела, своего первого мужа, двух сыновей – Андриана и Фёдора.

В Даниловке жил старый мельник – Иван Васильевич Нефёдов, также старообрядец, певший вместе со своим братом Максимом в молельном доме. У Ивана Васильевича было три дочери – Елена, Степанида и Татьяна*. Елена и Степанида вышли замуж за Мироновых – однофамильцев. Марию никто не сватал из-за того, что после оспы её лицо стало рябое. Отец отдал её за Андриана Лейкина, мордвина из соседней Александровки, батрачившего там. Андриан, так же как и Нефёдовы, был старообрядцем.

Молодая семья по обычаям того времени не выделилась в отдельную хозяйственную единицу, а стала жить под одной крышей с суровым главой большого семейства, терпя постоянные унижения и оскорбления со стороны «большака» («большаком» называли старшего в семье; обычно это был отец уже женатых, но не отделившихся сыновей).

«Зачем же терпеть? – скажет современный человек, незнакомый с понятиями тех лет. – Взял бы да и ушёл от отчима, ведь не маленький». В том-то и дело, что уйти просто так, без согласия было нельзя. То есть уйти можно, но большак имел право, юридическое право, заявить в полицию, и «беглеца» принудительно вернули бы в семью, бывшую тогда маленьким государством в государстве. Сейчас нам кажется диким такой порядок, но что сказали бы главы семейств тех лет, посмотрев, как мы живём сегодня? Как прокляли бы своих правнуков, узнав о матерях-одиночках, сиротах при живых родителях, третьем и четвёртом браке чуть ли не в каждой второй семье. «Большаки» обвинили бы нас в разрушении государства. И совершенно справедливо. Ведь и революция в России началась с того, что сын перестал почитать отца, захотел воли. Свобода обернулась худшим из рабств.

Русский народ был силён крепкими традициями, свято соблюдавшимися испокон веку. Одна из твердынь общества – семья.

Итак, Горшенины держались поморской веры. Ныне этот толк старообрядчества именуется как Древлеправославная Поморская церковь. Своё родословие они ведут от отцов Соловецкого монастыря и Выговского общительства.

М.М. Громько, исследовательница быта дореволюционной деревни, так описывает семейные отношения в патриархальной России.

* Имя мамы Руслановой вызвало споры: одни родственники утверждали, что зовут её Марией, другие говорили – Татьяной. В анкете арестованной Крюковой-Руслановой Л.А. (от 27 сентября 1948 года), в графе «состав семьи» указаны: «Отец – Лейкин Андрей Маркелович, проживал в г. Саратове, умер. Мать – Лейкина Татьяна Ивановна, умерла в 1905 году». Таким образом, сама Лидия Андреевна указывала, что её маму зовут Татьяной.

«Во главе крестьянской семьи стоял один человек – большак. Его положение как главы в нравственном, хозяйственном и даже административном отношении признавали все члены семьи, община и даже власти. Из таких глав каждой семьи, а следовательно, и хозяйственного двора, состояла сходка общины.

Большаком, как правило, становились по праву старшинства. Самый старший мужчина в семье мог передать свои права другому члену семьи.

Повсеместно было принято, чтобы большак управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние семьи. Он решал вопросы купли и продажи, ухода на заработки, распределения работ в семье. Разумный глава хозяйства обычно советовался по существенным вопросам со всей семьёй или с кем-нибудь из старших. Вот как об этом рассказывали в 1897 году в Заднесельской волости Вологодчины: большак «поступает самостоятельно, но почти всегда советуется предварительно с некоторыми членами семьи, особенно в важных вопросах. С кем «посоветать» в данном случае – на воле большака, но, разумеется, преимущественно со старшими в семье».

Большак имел право, по крестьянским представлениям, выговорить за леность, хозяйственные упущения или нравственные поступки. Корреспондент из Брянского уезда Орловской губернии писал, что хозяин обходится со своими домашними строго, повелительно, нередко принимает начальственный тон. Разумеется, многое зависело от характера главы и общего духа, сложившегося в семье.

С вечера большак распределял работы на следующий день, и распоряжения его подлежали неукоснительному исполнению. Существовала выработанная длительной практикой традиция распределения хозяйственных дел в русской семье по полу и возрасту. Но в каждой местности были свои особенности» (М.М. Громыко. – Мир русской деревни. – М., Молодая гвардия 1991, с. 171).

Были свои особенности и в семье Горшениных. Главная из них – религиозная: Дмитрий Алексеевич был ревностным хранителем старины; как и его односельчане, придерживался древлеправославной веры. Фёдор Васильевич Гладков, уроженец соседней с Даниловкой Большой Чернавки (их разделяло 12 вёрст), в «Повести о детстве» (её с удовольствием прочла Русланова, находя среди персонажей своих знакомых, о чём и сообщила писателю) вложил в уста одному из героев такие слова: «Дай Бог, чтобы дети наши так трудились да рачили и веру мужицкую держали от дедов-прадедов (...) Прадеды-то наши с Поморья пришли».

Чем отличалась вера поморцев от других православных? С.И. Быстров в статье «Поморское согласие в Саратовском крае со второй половины XVII столетия до 80-х гг. XIX века. Опыт исторического исследования» (Москва-Саратов, изд-во Яксанова, 1923) разъясняет «Верования поморцев сводятся к следующим основным положениям: со времен патриарха Никона в русской церкви наступило царствование антихриста, который не есть определённое лицо, а совокупность нечестия и отступления от истины. А поэтому

священство истинное в мире уничтожилось, нет также и причащения тела и крови Христовой; нет и крещения истинного, потому что «еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение». В силу этого поморцы – все миряне; иерархия у них отсутствует. Богослужение совершается самими мирянами. Предстоятельством при богослужениях наставник, избираемый из мирян, который и совершает у них соответствующие требы: крещенье, исповедь, молебны при бракосочетании и проч. Всех приходящих к ним в общение они перекрещивают вновь, отсюда их называют иногда «перекрещенцами».

Ф.В. Гладков в «Повести о детстве» указывал: «Церковь у нас многие годы стояла пустая: наши «мирские» хотели попа «благословенного», то есть молящегося двуперстием, по старообрядческому правилу, и ведущего службу по старопечатным книгам. Этих «мирских» в нашем селе было меньше половины, и «благословенным» попам, должно быть, было невыгодно служить здесь. За эти годы одна за другой «мирские» семьи перекрещивались в «поморское единобрачное согласие». Они, так же как и «поморцы», презирали щепотников и считали их папистами. К лапотникам и чапанникам, ключевским и варыпаевским мужикам, акающим и якающим, относились у нас брезгливо, как к мордвам и татарам. Потому и веру их отвергали, как еретическую. Но так как нужно было венчаться и крестить младенцев, выполнять всякие требы и справлять престольный праздник и Пасху, а в пост исповедоваться и причащаться, то волей-неволей, с натугой, приглашали ключевского попа, пропахшего табаком и сивухой».

В Александровке церкви не было, а в Даниловке стоял храм во имя святого великомученика Дмитрия Солунского. Вероятно, там и окрестили Прасковью Лейкину?

Казалось бы, чего проще: загляни в метрическую книгу церкви и проверь своё предположение. Иду в архив. «Нет, метрических книг даниловской церкви у нас не осталось, – говорит архивист Ольга Константиновна Пудовочкина. – Когда Даниловка отошла к Пензенской области, то их затребовали в пензенский архив».

В октябре 1999 года (книга уже версталась) в Пензу на гастроли поехал Виктор Иванович Егоров, руководитель ансамбля «Лель». Попросил его заглянуть в архив. Вернулся он с неутешительными вестями: в метрических книгах Свято-Дмитриевской церкви ни за 1900, ни за 1901, ни за 1902 годы упоминания о Лейкиных не обнаружил. «Просмотрел аж до 1908 года, – сокрушался Виктор Иванович, – ни о рождении Прасковьи, ни о рождении Авдея, ни о рождении Юлии записей нет. Правда, хранятся там две старообрядческие книги – одна о крестившихся, умерших и венчавшихся в 1874-м, другая – за 1908 год».

В Чернавке старообрядцы, за неимением своей церкви, вынуждены были исполнять требы в православной церкви. В Даниловке же, оказывается, староверы имели свою церковь. Вот только опять нам не повезло: за нужный нам 1900 год книга пропала. В костре какой революции, какой «безбожной пятилетки» сгорела она? Или же уберегли её от супостатов и пылится где-

нибудь в чулане или на чердаке? Может, кому-нибудь повезёт и он найдёт в ней запись о том, что у крестьянина села Александровка Андриана Маркеловича и законной супруги его Татьяны Ивановны родилась дочь, коию и нарекли при крещении Прасковьей...

Уже после приезда Виктора Ивановича из Пензы я узнал: он не одинок в своём поиске – ещё два десятилетия назад коллектив загса «перерыл» метрические книги сёл Чернавка, Александровка, Даниловка, Огарёвка, Ново-Дёмкина и Ново-Даниловки. Увы, с тем же результатом...

Но вернёмся, однако, к нашему повествованию, посмотрим, как жили александровские и даниловские хлеборобы, среди которых и предстояло возрастать новорождённой Прасковье.

Один из героев «Повести о детстве», рассуждавший о том, что деды-прадеды завещали жить по старине, с горечью замечает: «А теперь всё пошло кривь и вкось. Дети-то вон из дому норовят».

Действие в повести происходит в начале 1890-х годов. Через десять лет, когда в семье Дмитрия Алексеевича Горшенина стали разыгрываться трагедия за трагедией, процесс распада русской патриархальной семьи шёл ещё быстрее.

Разрушение нравственных и семейных устоев волновало тогда не только «большаков» – вопрос обсуждался на государственном уровне. В 1902 году во всех уездных Комитетах Саратовской губернии велись дебаты, что и как нужно делать, дабы укрепить крестьянскую общину. На заседании Петровского уездного Комитета 29 ноября 1902 года зачитали докладную записку крестьянина деревни Наумкиной В.И. Илькина – своеобразный репортаж, дающий верное представление о процессах в русской деревне накануне революций, сломавших вековой уклад сельской жизни, порушивших прежний миропорядок. Прошу прощения за длинную цитату, но размышления крестьянина Илькина нам нужны для того, чтобы понять истоки трагедии, случившейся в семье Горшениных через полтора года после того ноябрьского заседания Петровского уездного Комитета.

«Везде слышно, что местные Комитеты усиленно занялись обработкой вопросов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. По всей вероятности, в эти Комитеты от всех лиц сословий поступают всевозможные мнения, рассуждая каждый, как бы помочь делу. Правда, дело нелёгкое: помочь обедневшему крестьянству и эту помощь поднять миллионное население на равную высоту с каким-то богатым, неведомым царством, находящимся за океаном. Одни говорят, что мужик обеднел от того, что он не знает азбуки, другие – от того, что у мужика нет больших прав; третьи кричат: надо мужику дать материальную помощь, да ещё не маленькую; много толкуют о том, как бы русского мужика сделать богачом и одеть его в дорого стоящую парчовую одежду. Видно, что теперь только наступает время проснуться мужичку и кататься, как сыр в масле. Если же русский мужик будет жить и кататься, как я выше сказал, «как сыр в масле», то наверно он опять захочет спать и проспит после сытного обеда очень долго. Но спать долго, говорят,

вредно для здоровья, следовательно, прежде чем собраться обучить мужика грамоте; дать затем ему больше прав, насыпать ему в карманы золота, а закромы хлеба, не мешало бы взглянуть в прошлую его жизнь. Ясно без помощи увеличительного стекла: мы увидим те причины, которые так скоро толкнули мужика в бедность. Причины эти он для себя сотворил сам; поэтому если мы не поставим мужику на вид его прежних недостатков, которые втянули его в бедственное положение, и, в свою очередь, возьмём от него обещание в том, чтобы мужичок недостатки свои по возможности исправил, тогда оказанная ему помощь пойдёт впрок и, несомненно, принесёт обильный плод.

Со дня уничтожения крепостного права прошло 40 лет, а бедность начала поселяться среди крестьян не более как 20 лет; из этого видно, что первую половину свободной жизни крестьянское население пережило, можно сказать, без нужды, но зато в течение второй половины, особенно в последние годы, нужда выплыла наверх.

Теперь спрашивается: где же нужда раньше жила? Неужели её на свете рождённой не было? Нужда испокон веков была и жила вместе со всеми людьми, но она, по-видимому, боялась показываться так смело, как теперь, от строгой дисциплины и аккуратного порядка, заведённого старожилками, которые наверно умели как с нуждой справляться, и она покорно преклоняла пред ними голову. Что же за секрет, что старики умели жить, и нужда им покорялась, а молодое поколение более или менее стало уже грамотнее, не найдёт той волшебной травки, которая могла бы избавить его от нужды? Следовательно, надо предполагать, что тайную пещеру, где нужда живёт, грамота мужику не поможет указать, и грамотный мужик, держа в руке вместо кормилицы-сохи азбуку, от нужды далеко не уйдёт и жить будет всегда хуже своих неграмотных дедов и отцов. Поэтому не считаю лишним поставить в своей докладной записке часть примеров, приобретённых из действительного жития старожилов-крестьян.

1) Старики наши жили между собою дружно, всякий форс считали за великий грех, носили одежду из своего изделия, обыкновенно сшитую деревенским портным; на это они почти ничего не тратили денег.

2) Например, в нашей деревне Наумкиной до 1880 года было до 200 дворов, где имелось не более 5–6 самоваров, исключительно только у самых зажиточных крестьян, следовательно самовар в деревне считался редкостью.

3) Семейные разделы являлись позором всего рода; если даже, допустим, бывали случаи семейных разделов, и то по причине многочисленности членов семьи, так что образовавшиеся новые семьи уже имели от 5–10 способных к личному труду работников, следовательно, недостаток в рабочих руках не ощущался.

4) В летнее время семейство, имеющее достаточное количество рабочих сил, даже при всём своём малоземелье, всегда оно легко находило себе работу, как за плату, так и посредством испольного посева, зачастую произ-

вода таковой на расстоянии от места жительства 25–30 вёрст; поэтому недостачей в деньгах и в хлебе ж не мог быть.

5) В зимнее же время женщины занимались своим рукоделием, по целым ночам прядя из конопли, льна и шерсти пряжу, превращая таковую до начала летних работ в нужную материю, чем впоследствии одевалась вся семья. Мужчины, которые числились в семействе лишними, по обыкновению, старшим членом нанимались к более зажиточным крестьянам и в экономию в услужение. На лошадях ездили в извозы, и всё это, конечно, не мало приносило семейству пользы. Дома же оставался только один старший член; на обязанности его лежало всё благосостояние семейства.

Теперь объясню, как живёт в настоящее время крестьянская семья:

1) Дети, достигши 7–8 лет, приготавливаются в школу для обучения грамоте, первым долгом является необходимость приобретения приличной поддёвки, надо сапоги, шапку, красную рубашку, шаровары и проч., на что, разумеется, потребуются деньги.

2) У богатого и бедного на столе красуется самовар с приличным прибором, на последние крохи покупается чай и сахар, а иногда он берётся за счёт будущего урожая.

3) Кончит мальчик в школе курс, он уже считает себя якобы образованным, несмотря на то, что ему 12–15 лет. В школе он изучил несколько басен наизусть, как, например, «Волк и журавль», «Лиса и дятел», успел он ознакомиться с сказкой «О Иване Царевиче» и проч. В младенческом сердце у него уже явилось желание испытать своё счастье, а когда он вспомнит прочитанное, то поневоле подумает изобрести себе жизнь лёгкую и весёлую, почему чёрная работа ему представится невыгодной и совершенно бесполезной. В деревне же всем известно, что для такого грамотея, по его опыту и силам, кроме чёрной работы, другой нет. Нужно идти в город, там, говорят, местов много, где, наконец, попадает в семейство босяков. Бедные родители, вместо того, чтоб от сына получить старый долг, прибегают за помощью в полицию о розысках сына.

Остаётся одно: обученного сына нельзя от себя отпускать, толку мало, постараться нужно его женить, думая, что эта мера самая выгодная, но последняя на практике оказывается ещё хуже, чем прежняя; так, например, 19-летний юноша покорно выслушивает предложение родителей о женитьбе, покоряется воле их и делается женатым; тогда начинается новая драма – семейный раздел.

Семейство, состоящее, например, из троих женатых братьев, делится на три дома, из них только старшему брату 30-ть лет, младшему 23 года, из местного имущества даже скажу досталось каждому по одной лошади, 3–4 овцы, по 3 звена сарая. Каждый из них имеет от 2–6 человек малолетних детей. Спрашивается: какие же они самостоятельные домохозяева? Так как в них нет ни опыта, как вести хозяйство, ни лишней скотины, от которой они могли бы получить пользу, между тем, домашний необходимый расход пошёл в три раза больше. До раздела же это семейство было исправное, с

достаточным числом рабочих сил, и все лежащие на нём повинности платило аккуратно.

4) Всякий, пожалуй, скажет, что описываемое мною семейство напрасно разделилось; но что же сделаешь, когда в семье нет совета, ведь не оно первое так поступило. Нет ограничения в законе, чтоб нельзя не делиться, раз в семействе существует неурядица, и старший член изъявил на то согласие.

Разделившаяся семья увидит свою ошибку, когда наступит летняя рабочая пора, так как с малютками ни в поле ехать и нельзя их одних без присмотра дома оставить. Поэтому одинокому крестьянину нет никакой возможности сделать лишнюю борозду посева помимо своего поля. Раз лишнего посева не сделано, то и на зиму в хлебе окажется недостаток. Семья должна голодать, или же просить правительственной помощи. Такому семейству, по моему мнению, какая бы ни была дана материальная помощь, благосостояния его поднять не может.

5) После лета и осени надвинулась зима. Зима – обжора, последние пожитки подберёт, жутка и страшна она кажется одинокому крестьянину, которому нет возможности даже в работники наняться, так как дом ему нельзя оставить; у него есть одна лошадейка и 3–4 овцы, жена с кучею детей. Надо дровец нарубить, припасти скотине корма, некому у него за хозяйством присмотреть; следовательно, одинокий крестьянин не может ниоткуда заработать копейку, а расходы своим идут чередом, на покрытие которых приходится продавать последний хлеб или скотину.

При сравнении вышесказанных мною примеров, почерпнутых из действительной крестьянской жизни, не трудно догадаться, от чего крестьянское население беднеет, и его благосостояние тает как воск. Если только кто испытал эту жизнь, то наверно согласится и с нижеследующим моим мнением.

Я осмеливаюсь думать, что прежде чем обедневшему крестьянину поспешить дать какую-либо помощь, сперва надо приискать место, куда он мог бы её положить, так как при теперешней обстановке, нельзя не заметить, крестьянское население тесно связано нуждой. Нужду можно оттолкнуть лишь только дружным толчком. Поэтому первую необходимостью является устройство в среде крестьянского населения законодательным путём, введение известной дисциплины, «почитание старших»; затем, установить разряд семейных разделов, по возможности указать нужно, какой возраст может выбыть из семейства, и во всяком случае семейства многодушные и теперь живут не плохо и не имеют нужды в помощи. Сама практика показала, что в настоящее время в многочисленном семействе всегда найдёте грамотных людей, но зато в одиноких семействах дети остаются без всякого образования по той простой причине, что им нет времени посещать школу».

Вероятно, и молодой хозяин Андриан Лейкин, у которого уже подрастало двое детей – Прасковья четырёх лет и годовалый Авдей, всё-таки освободился бы от опеки большака и выделился в самостоятельную хозяйственную единицу, зажил бы, согласно рассуждению крестьянина Илькина, «бедствуя из-за нехватки рабочих рук»: жена Татьяна занята малолетними деть-

ми, а один в поле не только не воин, но и крестьянин никудышный. Семью Лейкиных ожидала бедность. Однако судьба уготовила детям Андриана ещё худшую долю. И виноват в том, по всей видимости, Дмитрий Алексеевич Горшенин. Мы не знаем достоверно, что подвигло его к тому – возможно, крепко повздорили пасынок с отчимом, раз большак принял жестокое решение: отдал Андриана в солдаты, но точно не известно, когда это случилось: в мирном ли 1903 году или же в 1904, в начале Русско-японской войны, но достоверно одно: по обычаям того времени должен бы пойти в армию младший брат Андриана, неженатый Фёдор. Дмитрий Алексеевич судил иначе. И не остановило его даже то, что его сноха Татьяна ждала третьего ребёнка (сестра Руслановой Юлия родилась, когда её отец воевал на сопках Маньчжурии).

Согласно «Уставу о воинской повинности» от 1874 года, действовавшему в 1904 году, воинская повинность была общеобязательна и являлась личной обязанностью: выкуп не допускался, хотя разрешалась замена в пределах близкого родства. Призыву подлежали мужчины в возрасте от 21 года до 43 лет. Служили тогда долго. В сухопутных войсках, к примеру, служба длилась 15 лет, из коих 6 лет на действительной и 9 лет – в запасе. Уставом допускались изъятия, льготы и отсрочки по политическим мотивам (определённые национальности), по роду занятий (например, церковнослужители, врачи, преподаватели учебных заведений), по физическим причинам, по имущественному положению (отсрочка до 2–3 лет для устройства дел), по семейному положению.

Под последние два пункта подпадал Андриан, он вполне мог избежать солдатской участи. Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Призывом в царской России ведали чиновники Уездного по воинской повинности присутствия, среди которых значились и председатель земской управы, и предводитель дворянства, и члены земской управы. По воспоминаниям старожилов села Александровка, Дмитрий Алексеевич Горшенин слыл богатым человеком, а ссориться с зажиточным крестьянином местным властям – не резон. Так слово Дмитрия Алексеевича оказалось решающим: служить пойдёт Андриан, а не Федот.

Проводы в армию отца – одно из самых ярких впечатлений маленькой Паньки (так звали домашние старшую дочь Андриана Лейкина). Лидия Андреевна в конце жизни вспоминала о том потрясении, которое она пережила вместе с семьёй.

«Совсем ребёнком, не слыша ещё ни одной настоящей песни, я уже знала, какое сильное вызывает она волнение, как действует на душу.

Настоящая песня, которую я впервые услышала, был плач. Отца моего в солдаты увозили. Бабушка цеплялась за телегу и голосила. Потом я часто забиралась к ней под бок и просила: повопи, баба, по тятке! И она вопила – «На кого ж ты нас, сокол ясный, покинул?..» (Лидия Русланова. «Жизнь моя, песня». «Советская эстрада и цирк», № 7, 1968).

В 1970 году Лидия Андреевна, записывая на фирме «Мелодия» грампла-

стинку «Говорит и поёт Русланова», отмечала, что «когда говорят о русской песне, – протяжной с настроением, – я вспоминаю своё детство, когда провожали моего отца в солдаты. Когда провожали в солдаты, пели обязательно «Уж сад, ты мой сад». Грустная, любовная, но вместе с тем широкая, специфически русская».

Прощаясь с родными, предполагал ли Андриан Маркелович, что уже не увидит жены, а детей найдёт на чужбине, в городских приютах?

В 1905 году умерла Татьяна Ивановна. Русланова почти ничего не рассказала о матери в своих воспоминаниях, лишь всё в той же статье в журнале «Советская эстрада и цирк» она приводит запомнившийся ей облик матери, уже смертельно больной.

«Не помню, когда я сама научилась петь. Много лет спустя – десять, не меньше – услышала я слово «артисты», узнала, кто они и что делают. Но представления начала давать лет шести. Мать лежала тяжело больная (болезнь эта и свела её в могилу), а я расхаживала, как по сцене, на русской печке и пела всё подряд, что знала, – и деревенское, и городское. Городские песни совсем без труда запоминала. В деревне пели сложно, с подголосками, с «подполозами», а эти раз услышала – и уж пою. Все удивлялись: вот, бесёнок, какая памятьливая!»

Скоро, скоро станет петь сирота уже не для родимой матушки – для чужих людей, побираясь Христа ради.

Татьяна Ивановна умерла, по семейным легендам, простудившись, полоская в проруби бельё. По другим сведениям, надорвавшись на работе на кирпичном заводе не то в Петровске, не то в Саратове. Александр Афанасьевич Миронов, внук Степаниды (тётки Руслановой), проживающий ныне в Саратове, слышал от своих родителей, что Татьяна Ивановна не умерла от болезни – её убили в Петровске во время революционных событий. Обстоятельства смерти он не знает, но что погибла именно в Петровске – за это ручается. Как бы там ни было, а после смерти матери Паньке пришлось уйти

*Елена Ивановна Миронова и
Татьяна Ивановна Нефёдова, 1898 год*

из семьи Дмитрия Алексеевича Горшенина. Нелюбовь к Андриану распространилась и на его детей. Особенно невзлюбил он непоседливую, бойкую на язык и шуструю на дело Паньку. В телевизионной передаче в сентябре 1971 года певица рассказала, как она рассталась с дедом, «злым, сердитым».

«Дед меня бил. Я залезу на солому, на крышу соломенную, а в кармане у меня – спички. Если дед меня бьёт, я говорю: Запалю крышу!» Однажды и запылила. Уж били меня смертным боем. А потом приехала бабушка, материна мать. Сказали: забирайте сейчас же, чтоб её духу не было. Бабушка меня увела в деревню. И мальчика взяла. И так, у неё было двое детей, а есть-то нам и нечего. Так мы с бабушкой и пошли по миру».

По преданиям сельчан, маленькая Панька, желая отомстить деду за постоянные побои, подожгла не крышу, а... бороду Дмитрию Алексеевичу, когда тот тихо-мирно дремал на завалинке. Избил дед её не столько от боли, сколько из-за глубочайшего возмущения: для старовера борода – величайшая святыня!

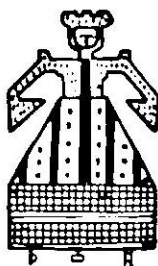
Куда увели Паньку и Авдея? В Даниловку? Или в другую деревню? И как звали её, мамину маму? Русланова о том умолчала, вспоминая, однако, что первые уроки пения она брала у неё, своей любимой бабушки, маминой мамы.

«Бабушка, слепая бабушка, у которой мы с братом жили, когда умерла мать, эта бабушка много и замечательно пела. И каждое утро я не могла дожидаться, когда позавтракаем, когда бабушка примется мыть чашки и петь».

Вот с ней и ходила по окрестным селениям, зарабатывая на жизнь пением под окнами у богатых людей...

«А там купчихи. Вот под окошко подойдёшь, она (бабушка). – В.В.) – «Нука, заводи!» Я и – «Подайте милостыньку Христа ради... Мы есть хотим, дай нам хлебушка, тётечка, милая», – вспоминала спустя 65 лет Русланова свою сиротскую долю. – Открывается ставня, вылазит богатая толстая купчиха, говорит: «Ты чего, девчонка, тут скулишь?» – «Тётечка, мы есть хотим». – «Ну, эт, что ж тебе есть, а ты чего умеешь?» – «Я всё умею, – я говорю, – петь я умею, плясать. Ты нам только хлебушка давай».

Принесли нам хлеба. Разделили мы этот хлеб, кусочек на троих: бабушке, брату и мне. Я очень горевала по брату».

**«СКОЛЬКО
ПОМНЮ СЕБЯ,
СТОЛЬКО ПОМНЮ
И ПЕСНЮ»**

УЖ ТЫ, САД

Не спеша

тр

Уж, ты, сад, ты мой сад, сад же не немь.
ля, ты же чем рано цветешь, о. см. па. вшь ся? Ты же и
(Конец)

Уж ты, сад, ты мой сад.
Сад зелененький,
Ты зачем рано цветешь,
Осыпашься?

Ты зачем рано цветешь,
Осыпашься?
Ты далеко ль, милый мой,
Собираешься?

Ты далеко ль, милый мой,
Собираешься?
Не по путь ли, по поход,
Во дороженьку?

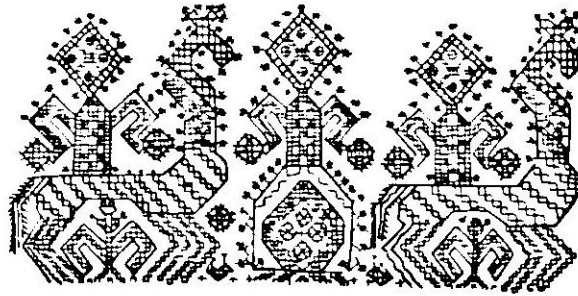
Не по путь ли, по поход,
Во дороженьку?
Ты со всеми людьми
Распрошашься.

Ты со всеми людьми
Распрошашься,
А со мною молодой
Все ругашься.

А со мною, молодой,
Все ругашься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай!»

Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай!»
Скажи: «Милая, прощай!»
Уезжаю в дальний край!»

В сентябре 1995 года Даниловка оставила у меня впечатление умирающего села, коего коснулось тление демократических реформ. Хотя дома бывших колхозников – ещё крепкие, добротные, как у Капитолины Илларионовны Горшениной. Брат же её, Лев Илларионович, живёт в трёхэтажном многоквартирном доме, в жилище, о котором метко сказал наш земляк, поэт Анатолий Передреев – «которые ни избы, ни дома». Околица поросла бурьяном, дороги – как в большинстве далёких от районного центра сёл. Поразила тишина – не умиротворяющая, а какая-то гнетущая. Конец XX столетия. Сумерки века...

«Раньше, в 30-е годы, да и даже в 50-е, гармонь в селе по вечерам не смолкала, – говорит Михаил Васильевич Панфёров, уроженец Даниловки, ныне живущий в Саратове. – А сейчас...»

Ныне на улицах Даниловки не слышно ни песен, ни плача. Вымирает деревня молча, без ропота, без стенаний, обречённо и покорно. Старческих печальных лиц здесь гораздо больше, чем улыбчивых девичьих...

Какой же была Даниловка в детские годы Руслановой? Как жили, что чувствовали, чем занимались, чем озабочивались её односельчане-современники? О том не сохранилось ни её воспоминаний, ни семейных преданий. Однако всё же мы сможем совершить прогулку как по Даниловке и Александровке, так и по окрестным с ними сёлам благодаря интереснейшему документу, сохранившемуся в Государственном архиве Саратовской области. Называется он «Программа описания города Петровска и его уезда». 31 декабря 1910 года Петровский уездный исправник А.Ф. Шкенёв разослал во все волостные сёла своим подчинённым вопросник с приказом подробно ответить на предложенную анкету. Среди без малого двух десятков разделов наиболее интересный для нашей книги: семейный быт и народная словесность, параграфы которого предписывали:

1) описать народно-семейный быт, не упуская ничего из нрава крестьянской жизни;

2) указать местные легенды, песни, народные анекдоты и воспоминания о различных деятелях, хотя бы и сказочных;

3) лирические (т.е. любовные) песни, народные остроумия, пословицы, поговорки;

4) духовные стихи, заговоры; какие народом употреблялись прежде и употребляются теперь музыкальные инструменты.

Подчинённые А.Ф. Шкенёва оказались не только исполнительными, но и талантливыми бытописателями. Однако, прежде чем читатель убедится в правоте моей оценки литературного мастерства волостных полицейских, хочу привести несколько цифр, характеризующих село Даниловку и деревню Александровку.

За три года до рождения первенца в семье Андриана Маркеловича и Татьяны Ивановны Лейкиных, согласно Первой всеобщей переписи населения в Даниловке проживало 1144 мужчины и 1122 женщины. В деревне Александровке Даниловской волости значилось 164 души мужского пола и 189 душ женского (Государственный архив Саратовской области (ГАСО), Ф. 434, оп. 1, д. 104). Подсчёт населения по 8 сельскому участку, куда входили вышеозначенные населённые пункты, производил некто Павел Миронов – не родственник ли Руслановой? – тётка артистки, Елена Ивановна Нефёдова, в замужестве носила фамилию Миронова. И если в Даниловке 9 мужчин и 12 женщин было некрестьянских сословий, то в Александровке всё наличное население кормилось исключительно хлебопашеством. Это и понятно: Даниловка – волостное село, где располагались (в 1911 году) две церкви – православная и единоверческая, земская школа, больница, ветеринарный пункт, почтовая контора, трактир и лавка. («Списки населённых мест Саратовской

Село Даниловка. 1998 год

губернии», 1913 г.). Село Даниловка по названию церкви, освящённой во имя святого великомученика Димитрия Солунского, именовалось ещё Дмитриевским, а по протекавшей близ села речки называлось ещё и Чердымом. В просторечии же имело и четвёртое название – Усовка: по фамилии помещика Алексея Сергеевича Усова, чья усадьба – одноэтажный, довольно-таки просторный дом – располагалась в селе. Даниловские крестьяне в послереформенные годы, после отмены крепостного права, в документах означались «б. Усова» – бывшие крепостные Усова, а крестьяне деревни Александровка – «б. Уньковского», тоже по фамилии барина.

И Даниловка, и Александровка отстояли от уездного Петровска в 60-ти верстах, а от ближайшей железнодорожной станции – в 25 и 30 верстах соответственно.

«Сборник статистических сведений по Саратовской губернии, том IV» (издание Саратовского губернского земства, 1884) сообщает, что в Даниловке 22 семьи (из 380) безлошадные, а в Александровке – 6 (из 84). Качество почвы – в Даниловке большей частью песчаная, имеется также чернозём и солонец (и до 100 десятин суглинка с солонцом, из коих по негодности совсем не пахутся до 25 десятин). В Александровке же большая часть почвы – солонцеватая, хотя поля ровные (есть, впрочем, небольшие суходолы), в то время как даниловские поля перерезаются двумя оврагами.

По достатку крестьяне Даниловской волости распределялись так:

819 домохозяев имеют 1 избу, 45 – 2 и более изб;

861 изба – деревянная; 3 избы – из других материалов;

755 – крыты соломой; 101 изба крыта тёсом, 3 избы стояли под железной крышей и на трёх кровельный материал был иной.

Топились в Даниловке и Александровке избы дровами, некоторые, хотя и немногие – по-чёрному (т.е. дым шёл не в трубу, а в отверстие под потолком; кстати, при правильной кладке печи и правильном расположении отверстия в потолке такой способ отопления отнюдь не означал варварства: система «топка по-чёрному» срабатывала как хороший пылесос, очищая нижние слои воздуха, где люди обедали, спали, работали, от пыли и смрада). Чтобы отапливать большие избы, нужно и дров заготавливать много. Поэтому львиная доля жилищ – 651 изба (из 864) в длину имели от 6 до 9 аршин (четыре с четвертью метра/шесть с половиной метров), у 97 семей избы не достигали в длину 6 аршин, и у 77 домовладельцев превышали 9 аршин (однако длиннее 12 аршин никто изб не строил).

Ну, а теперь от сухой статистики перейдём к рассмотрению полицейских отчётов, не лишённых поэтических красот. Полицейский урядник Лебедев из села Жуковка Петровского уезда сравнил волостное село и маленькую деревеньку, расположенные рядом, подобно Даниловке и Александровке.

«Деревня Садовка и село Жуковка – две родные сестры, которые росли и воспитались в одних и тех же условиях, под рукою одних и тех же господ. Поэтому, если б мы стали искать в быту крестьян деревни Садовки что-либо новое по сравнению с бытом жуковцев, то взяли б на себя лишний, беспо-

лезный труд. Конечно, нельзя здесь не отметить того общего настроения, которое неизменно лежит между селом и деревней. Не знаю почему, но замечено, что как-то самая обстановка села, церковь, например, больница влияют на настроение крестьян; как-то невольно поднимают его дух и вообще – «освежают» крестьянина. И действительно, если посмотреть в один и тот же вечер деревню и село, то мы увидим почти две различные картины.

Какая-то широкая волна весёлого смеха, весёлой песни обыкновенно несётся над селом в летний вечер. В ней чувствуется всё: и забыто горе, и сила, и вера в будущее и доброе сердце. Точно целебный бальзам врывается этот сердечный размах сельской молодёжи в сердца всех сельчан и как-то помимо их воли заставляет за собою чувствовать известную долю силы, поднимает энергию, одним словом, «освежает» крестьянина.

Не то в деревне. Полная тишина царит кругом. Изредка, разве, где вдруг вырвется какой-нибудь говор, или раздастся весёлый смех молодёжи, но тотчас всё и оборвётся, или просто сменится какой-нибудь грустью, задушевною песнью. И в этой тиши, и в этих песнях сразу как-то чувствуется уже какая-то невольная тоска, одиночество и сердце давящая зачухлость. Здесь уже нет того весёлого смеха, этой волны веселья молодёжи, которая невольно заставляет встряхнуться сельчан.

Приводя подобные сравнения, я, конечно, имею в виду такие же глухие деревни, как и Садовка».

Идиллическая картинка? Да, конечно, прочитав эти строки, русская душа затоскует по ушедшей красоте. Понятно, что взгляд наблюдателя выхватил из потока событий только задушевный вид родного края, опозитизировав быт, в котором не только красота – встречались и печаль, и тяжкий труд, и ссоры, и обиды, и неразрешимые противоречия. О том же размышляла и Русланова в статье «Жизнь моя, песня».

«Не только о песне – о деревенской жизни много сейчас думают: какой она была, какой стала. В том, что было, видят и красоту, и поэтичность, и жалеют, что многое уходит. Я помню, как было в деревне, хотя бы и в нашем доме. Вечерами вся семья собиралась у огня, у всех работа, без дела никто не сидел. Тут и пели, и сказки рассказывали, и были старые воспоминали. Дети всё перенимали. Ах, хороша картинка, если только не вспоминать, сколько за всем этим было и нужды, и горя, и изнеможения!»

Неизвестный нам полицейский урядник (роспись под документом неразборчива) подробно рассказал о жизни крестьянской семьи – подобной той, в какой росла будущая артистка. Вчитаемся и мы в строки, запечатлевшие навсегда ушедшую жизнь.

«Семейная жизнь крестьянина носит ещё на себе следы патриархальности. Эта последняя как нить проходит через все стороны семейной и общественной жизни крестьянина: через а) внешнюю, б) экономическую, с) социально-юридическую и d) религиозную.

а) Внешняя сторона семейной жизни крестьянина мало чем отличается от той, которую вели их отцы и деды. Тот же деревянный, покрытый соломой

дом, четыре-пять небольших окна мрачно взглядывают с вымазанных глиной стен на улицу, сплошь и рядом заставленную «мазанками», то есть небольшими зданиями, обмазанными глиной. Сзади дома теснится двор, обнесённый плетнём, а дальше идёт огород, засеянный или картофелем, или коноплём, и, наконец, высится рига, куда свозится крестьянами в рабочую пору хлеб. Внутреннее устройство избы и её обстановка также сохранила большею частью прежний порядок. При входе в избу, налево расположена печь, наверху палаты; в переднем углу целый ряд икон, «божница», на которой, или около которой висят полотенцы. Под божницей стол и лавки.

Но во внешнем виде самих хозяев замечается уже нечто новое. Видно стремление идти за средним классом общества. Так, например, мужчины уже давно бросили носить лапти и надели сапоги. Заметно также, что при заказе обуви обращается внимание не столько на практическую сторону работы, сколько на изящную отделку заказа, то же самое можно сказать и про одежду крестьян. Что же касается женщин, в частности девиц, то вне сомнения, что исключительное внимание они уделяют внешнему виду. Помада, духи, мыла и вообще всё то, что не знали, или мало знали женщины старины, теперь является необходимой принадлежностью каждой крестьянской девицы.

б) Экономическая сторона жизни крестьян осталась по-прежнему неизменною. Крестьянин любит труд, в частности труд земледельческий. Земля для крестьянина то же детище. Мало в году дней, когда в семье не говорят про хлеба, будущий урожай, жнитво, покос и проч. Если в году бывает избыток хлеба, то крестьянин везёт его в город, там продаёт и вырученные деньги идут на те или другие семейные расходы.

Кроме труда земледельческого в семье существуют и другие виды экономии, как-то: пасеки (пчельники), извоз, плотничество, и даже небольшое столярничество. Есть также при селе и ветряная мельница. Но всё это находится пока ещё на самой низкой ступени развития и в руках не более, как пяти-шести человек.

с) В социально-юридической стороне крестьянской жизни особого внимания заслуживают те юридические обычаи и понятия, которые определяют как личные, так равно и семейные и общественные отношения.

Как сказано выше, семья крестьянина – организм, члены которого находятся в известном подчинённом взаимоотношении. Старший – голова всей семьи, а остальные члены семьи только его помощники, исполнители его воли. Подобное взаимоотношение не есть, конечно, какой-нибудь мёртвый механизм, действующий всегда по определённым правилам и определённым положениям; и это не слепая работа, в которую бессознательно положена русская мощь и русское сердце. Но это – своего рода небольшое царство, в котором сознательно работает мысль, волнуется душа, и ищет себе дела великая русская сила. Стоит только посмотреть, с какою любовью и аккуратностью каждый член семьи относится к своим правам и обязанностям, чтобы понять и вполне определить это взаимоотношение, эту внутреннюю жизнь семьи.

Так, старший распоряжается. Все его распоряжения, конечно, носят на себе характер обдуманности, серьёзности и целесообразности. Младшие члены семьи принимают эти распоряжения «старшака», и если находят, что в них нет ничего странного и нецелесообразного, то охотно исполняют эти приказания. Но если семья видит, что «старшак» совершенно не умеет руководить жизнью семьи, или же только в некоторых случаях обнаруживает свою неспособность к управлению, то тогда собирается семейный совет, в котором уже каждый член семьи, не исключая даже работников и работниц, имеет свой голос, имеет право высказать своё мнение относительно данного семейного затруднения. Если семью постигает какое-нибудь несчастье, вроде того, как если бы погиб, или плохо уродился хлеб, то оно принимается как общее семейное несчастье. Каждый здесь чувствует, что в постигшем их несчастье погибли и его думы, и его труды. Что касается распределения труда в семье по специальностям, то можно указать два главных вида: труд мужской и труд женский. В обязанности мужчин лежит более трудная и чёрная работа. Так, например, зимой он должен заготовить топливо, привезти корм скотине, убрать двор, укрыть от холода избу, глядеть за скотиной и проч.

Женщина в силу своего природного призвания должна быть там, где требуется опрятность, аккуратность, красота, вкус и изящество. Если крестьянским женщинам, с детства ещё сроднившимся с трудом, и не доступны эти качества в той степени, и силам, как женщинам высшего образования, однако было бы полною несправедливостью допускать совершенное отсутствие этих красок в крестьянских женщинах. Ведь что прежде всего нам кидается в глаза при входе в крестьянскую избу? Вся божница убрана какими-то бумажными цветами; на стенах в известном порядке размещены лубочные картины, впрочем, здесь же нередко можно встретить и бумажки от конфет, на которых вместе с загадкой изображён в уродливой форме какой-нибудь портрет «Вани» или «Мани». Часто встречаются и разукрашенные фуксином стены, большею частью галанки. В уютном местечке помещён шкаф для посуды; там виднеется аккуратно убранная кровать, завешанная пологом... Всё это, конечно, грубо и черно; всё поломано и исковеркано, но однако же — вкус, красота и изящество. Правда, свой вкус, своя красота, своё изящество; но можно ли в эту область индивидуальных, характерных черт народа вносить тот критерий эстетики, который применим в классах высшего образования? Крайности в образовании ведут к крайностям и во вкусах. В одном уж чересчур грубо, в другом уж чересчур изящно.

Лучшей оценкой труда крестьянской женщины будет то, что мы обратим внимание на те горячие её заботы, которые она отдаёт воспитанию детей. Как-то сама природа поставила крестьянина в такие условия, что в силу своего положения он должен не только любить труд, но видеть ещё в нём известную красоту. Подобное отношение к труду, без сомнения, идеально, и это тем лучше подчёркивает труд крестьянки как воспитательницы детей. Без помощи наёмных бонн, одна, лишь с честностью и прямою своей натуры, она с первым же ростом сознательных сил ребёнка старается раскрыть ему

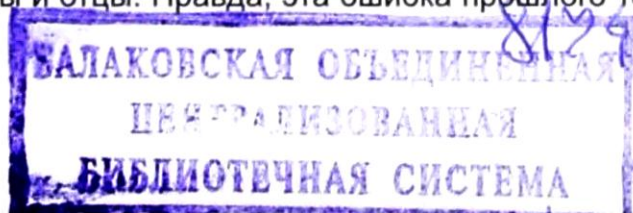
жизнь именно в тех тёмных красках, под тенью которых приходится жить крестьянину. И мы видим, как только крестьянский ребёнок начинает чувствовать в себе хоть небольшую долю силы, так тотчас же у него является потребность помогать отцу и матери. Труд для крестьян – родная стихия, с которой его сроднили ещё в детстве. Недаром же сам народ вычёркивает из среды своей некоторых личностей и подводит их под кличку «барин», и «бездельников». И эти барин и бездельники, по понятию народа, те люди, которые пренебрегают тяжёлым ярмом земледельца и стараются жить более лёгким трудом, и вообще все те люди, которые так характерно выведены Кольцовым в стихотворении «Что ты спишь, мужичок?»

Особого внимания заслуживает отношение крестьянина к мирским делам. Участие в последних для него нравственно-обязательно. Крестьянин видит и понимает, что его семейные интересы тесно связаны с общественными, поэтому то или другое решение общественного вопроса для него неразлично.

На мирские сходки должен являться старший из семьи, исключая 60-летних стариков и женщин всех без исключения. Здесь ставятся известные вопросы и обсуждаются совместно обществом. При этом надо заметить, что на то или другое решение вопроса несколько не влияют люди богатые и крикуны. Голоса последних считаются наравне с голосами бедных. Магарычи и вообще какие-нибудь подкупы почти не употребляются.

Кстати, надо сказать, что магарыч в личных отношениях крестьян очень популярен, бывают случаи, что из-за магарыча крестьяне несут явный убыток. Почему магарыч среди сельчан имеет такое значение – сказать трудно. Вернее всего предположить, что здесь сказывается всё русское добродушие, стремление русского человека «по душам» поговорить с друзьями. Только за рюмкой вина высказываются самые тяжёлые мысли, затаённые думы и заветные желания. Это уже характерная черта русского человека.

d) Религиозная сторона жизни крестьян по-прежнему обставлена рядом обрядов, исполнение которых для семьи обязательно. Можно было бы говорить о всех тех символах и действиях, в которых крестьянин внешним образом проявляет свою веру, как, например, употребление крестного знамения, соблюдение постов, посещение святого храма и проч. Это уже, конечно, известно и понятно. В настоящее время и в настоящем положении крестьян гораздо важнее сделать оценку всем этим проявлениям религиозной жизни. Как известно, тяжёлые годы революционного развала подорвали не только политический, но и нравственный устой семьи. Там, где была ясная, спокойная вера, теперь поселилось безверие, место нравственности заняла безнравственность. Пожары, грабежи и вообще всё то, что могла внести в крестьянскую среду безнравственность, с другой стороны – усиливающееся сектантство, всё это как-то вдруг обрушилось на народное доверие, на крестьянскую простоту и заставило эти добрые чувства народа бессознательно оттолкнуться от вековых традиций, – от того, во что веровали, что любили, и что передали ему деды и отцы. Правда, эта ошибка прошлого теперь боль-

шинством уже признана; но можно ли сказать, что она не имела и не имеет никаких последствий? Конечно, нельзя. Разве мало теперь примеров, когда при точном, по-видимому исполнении требований Евангелия отсутствует вера в него, высказываются просветительские взгляды и явно берётся под защиту учение Толстого и ему подобных проповедников? И такие примеры можно встретить не только в среде людей, которые по своему образованию могли бы свободно составить себе то или другое убеждение, но даже и среди простых сельчан. Грустно смотреть, когда этот простой, доверчивый народ, не имея запаса собственных образовательных сил, верит различным новым идеям и бессознательно из-за них разбивает то, что для отцов и дедов его было святыней. Он и сам не замечает, как постепенно запутался в кругу противоречий. С одной стороны, – он исполняет требования религии, с другой – он не верит в их содержание, во внутренний смысл своих внешних действий.

Вот теперь, описывая религиозную сторону семьи и говоря об обрядах и вообще внешних проявлениях религиозной жизни крестьян, я считаю более важным отметить тот дух, то настроение, которое крестьяне вносят в свои внешние религиозные действия.

Крестьяне села Жуковки и прилегающих к ней деревень ещё издревле отличаются качествами, которые вполне могут быть ценимы как с политической, так и с религиозной точек зрения. Наплыв идей революционного характера здесь был встречен весьма сдержанно и обдуманно. Он не только не сломил народную веру, но, напротив, вывел сознание сельчан на более реальный путь. И если теперь ближе подходить к понятиям, или вообще мирозерцанию семьи, то нельзя не заметить стремления параллельно и с глубокою верою поставить рациональное объяснение всем явлениям религиозной жизни. Конечно, и с этой стороны всегда найдутся известного рода недочёты, как, например, несоблюдение постов, работы в праздники, непосещение святого храма, манкировка своими обязанностями и проч. Но всё это до того незначительно, до такой степени имеет временный, случайный характер, что считать подобные явления чем-либо характерным в семейной жизни, и тем более связывать их с искренним убеждением самих крестьян, было бы грубой ошибкой. Если бы даже мы вздумали обратиться к внешним источникам народной жизни, то и здесь могли бы почерпнуть ясные доказательства вышеизложенного. Обыкновенно, суеверия и различные старинные обряды, сохранившиеся в народе, считают признаками того, что здесь живёт ещё «старинная» вера, то есть такая, которая слепо заставляет человека отдаться тем или другим постулатам религии. В настоящее время неоспоримы два факта: первый – что суеверия и вообще другие остатки старины как, например, наряжание на Святках, катание на Масляной и другие, оставляются. Другой – в народе живёт глубокая вера во всё то, что передано ему отцами и дедами. Сопоставляя теперь эти два факта, мы приходим к следующему положению: крестьяне живут в той же религиозной обстановке, в которой жили и их отцы. Но тогда как последние слепо верили во всё то, что им предлагалось и внушалось, теперь же верят, понимая во что верят,

иначе говоря – сознательно верят. Вот это-то настроение как новое, сравнительно, в жизни крестьян я и хотел отметить, описывая религиозную сторону семейной жизни».

Удивительное дело: учёные-этнографы, изучавшие календарные обряды русских крестьян, подсчитали, что едва ли не третью часть года церковь предписывала не работать, а праздновать те или иные события Священной истории, отмечать память особо чтимых святых. И что же? При таком раскладе русский крестьянин не только не умирал с голоду, но ещё и Европу кормил...

Праздники на Святой Руси – неотделимы от песен. Песельников – людей, имевших незаурядный голос (пели все, и безголосые, но слушать любили отмеченных Божьей искрой) – приглашали на свадьбы, другие застолья. И семья Лейкиных-Горшениных славилась своим певцом. Маленькая Прасковья, взятая в соседнюю деревню бабушкой после смерти матери, познакомилась со своим родственником-певцом.

«В той деревне пели много, особенно девки на посиделках, – вспоминала Русланова. – Там я впервые узнала, что песни не обязательно должны быть про горе и про разлуку – таких наслушалась весёлых, озорных, отчаянных!

В нашей семье пели многие – женщины, конечно. Мужчины считали ниже своего достоинства. Один только был дядя рябой, брат отца. Звали его Яша. Из-за песен он был деревенской знаменитостью. Пел Яша на свадьбах, на посиделках. Приглашали его почтительно, как крупную персону. Песен он в голове держал миллион, но чаще импровизировал. Это больше всего ценилось. Под его пенье все вокруг и плакали, и плясали.

Когда он пел, я подходила поближе и старалась заглянуть в рот. «У тебя там дудочка?» – спрашивала я. – Все смеялись, Яша громче всех. «Не дудочка, – объяснял он, – а душа». – «А что такое душа – большая дудка?»

Совсем я была тогда маленькая. Но песни Яшины помню до сих пор, – вспоминала Лидия Андреевна незадолго до смерти. – Очень часто, работая, старалась себе представить: а как бы вот это пел Яша? Как бы эту фразу произносил? Таких людей называют самородками. Яша был самородок очень высокой пробы».

И сама Лидия Андреевна – самородок. А они, как известно, встречаются не в пустых породах – в золотоносных жилах, среди мелких золотых крупинок. Сколько их, этих крупинок, окружало её, если вся крестьянская (да и городская!) Россия была поющей! Обрядность пронизывала все праздники, коих насчитывалось неисчислимое множество. Одни троицкие песни, к примеру, чего стоят! Из тех же полицейских анкет позаимствуем описание поэтических обрядов завивания берёзки, после которых девушки-подружки кумились. Сценки, описанные урядником, происходили в селениях Петровского уезда, то есть на глазах любознательной и смышлёной Прасковьи Лейкиной, впитывавшей впечатления, чтобы потом, извлекая их из памяти, переплавлять в драгоценные слитки своих неувядаемых песен.

«В Троицкий четверг девки ходят в ближайший лес «на сенник», для чего пекут пироги с кашей, варят яичницу. В лесу подыскав покудрявее берёзу, возле которой производят игрища, первоначально из берёзки (ветвей) свивают венок, чрез который начинают парами кумиться, целуясь и говоря «кума, кума, кумица, а после неброница», затем, сцепивши рука с рукою, все ходят вокруг берёзы, играя нараспев: «Как под этою, под берёзою, муж жену уцыл непокорную, – непокорную, непоклонную, жена мужу покорилаца, покорилаца, поклонилаца, в его ножки уцыпилася, ты прости меня непокорную, непоклонную» и т.п. После того садятся есть яичницу и немного оставляют на берёзе яичницы кукушке на кашу.

На Троицу утром или накануне её народ ходит за цветами, с которыми ходят в церковь, после того цветы ставят к иконам и хранят почти что всё лето.

На первый Спас, 1 августа, ходит крестный ход на воду, куда жители приносят для освящения понемногу ржи, которой начинают сначала засеивать озимые посева. Малый яровой посев начинается так: крестьянин берёт просфору, немного чёрного хлеба (который отрезается от общего хлеба на молебне при выгоне скота), печёный из теста крест и если сев бывает после Пасхи, то и часть кулича, тогда, как приедет на загон, помолившись на все стороны Богу, садится и начинает всё это есть, а потом уж принимается за посев.

По случаю засухи жители днём ходят с иконами молебствовать, по полям и родничкам, ночью же иногда ходят на общественные кладбища, где и поют духовные стихи.

Престольный свой праздник Михайлов день (8 ноября) празднуют три-четыре дня, в это время много готовят разной стряпни, ходят друг по дружке, большими артелями в гости и к тому времени подгоняют справлять свадьбы.

Женятся в селе Тёплом совсем молодыми, так что едва наступит 16-й год юноши, то за него уже сватают молоденькую девчонку лет 15-ти, которые и ходят до дня свадьбы года два и более женихами и невестами, в промежуток этого времени иногда жених со своей невестой ссорятся, дело доходит до суда и сватовство их расходится.

Если сговорённые молодые люди живут в миру, то жених ходит к невесте ночевать и спят без всякого стеснения родителей. Бывают редкостные случаи, что между ними происходит преждевременное прелюбодейание, но позор этот покрывается свадьбой. Сваты до свадьбы живут мирно, часто между собой заводят гулянки, но уже после свадьбы между ними дружба прекращается и они более друг друга не знают».

Вы, наверное, заметили, что в троицкой песне девчата выпевают «уцыпилася», «уцыл» вместо слов «учил», «уцепилася». В селе Тёплом наречие жителей было на «ч» и на «ц», то есть вместо «ц» произносили «ч» и наоборот: овча, цово, черковь, девцонка, слуцйя. Сей выговор указывает на то, что предки их переселились с тех северных губерний, где такое произношение является нормой, например, в Вологодской губернии. В Александровке и Даниловке выговор был обыкновенный, без чередования «ч» и «ц».

«На Троицу два дня и на вешнее заговенье в хуторе Рассказов собирается вся молодежь ближайших селений на «горку», где между означенным хутором и деревней Николаевкой, по левую сторону речки Камышинки на ровной площади в луке расставляются палатки (мелочные лавочки) и ежегодно приезжают карусели (коньки), на которых молодёжь катается и в палатках покупают парни разных сластей, которыми и угощают своих знакомых девчат. По луке же ходят артелями и поют песни. Иногда охотники вызывают себе на поединок кулачного боя, или на состязание по борьбе, тянутся и борются. Сходбище это походит на небольшую ярмарку, что бывает ежегодно в одни и те же дни».

Н.А. Иваницкий, собравший в последней четверти прошлого века обширнейший и достоверный материал о быте крестьянства Вологодской губернии, так отзывался о слышанных им в деревне песнях: «Всякий беспристрастный человек скажет, что такие прекрасные песни могли вылиться только из сердца, преисполненного искренней любовью. Есть любовные песни, отличающиеся такою нежностью и глубиной чувства и до того безукоризненные по форме, что в самом деле как-то не верится, чтобы их могли сложить безграмотные деревенские девушки, не имеющие ни малейшего понятия о стихосложении, между тем известно достоверно, что девушки-то и есть сочинительницы; парни – стихотворцы несравненно реже».

По словам Иваницкого, сам народ признаёт в любви серьёзное чувство, с которым нельзя шутить. На основании пословиц и разговоров с крестьянами он утверждал, что для них «чувство любви – главный стимул, заставляющий человека трудиться и заботиться о приобретении собственности в виду будущего блага своей семьи»; «сердечные отношения между мужем и женой сохраняются до конца жизни» (Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. // Известия ОЛЕАЭ. Т. 1. М., 1890. с.37–58).

А сколько песен звучало на свадьбах, справлявшихся по обыкновению или весной, на Красную Горку (первое воскресенье после Пасхи), или, начиная с Покрова (1 октября по православному стилю) и кончая престольным праздником села Даниловки – 26 октября, когда летние сельскохозяйственные работы завершены и можно пировать, радуясь народжению новой семьи.

Прасковья Лейкина, как и другие ребяташки, любила смотреть на красивые свадебные обряды, слушать подвенечные песни. Вот идёт свита новобрачных и поёт, сопровождая молодых, идущих в гости к теще и тестю:

*Уж ты, Груня моя, Груня,
Груня ягода моя,
Ох, люли-ли, люли, люли, Груня ягода моя!
Распевадилась Груняша часта по воду ходить,
Ох, люли-ли, люли, люли, часта по воду ходить,
Часта по воду ходить, под заворы воду лить,
Ох, люли-ли, люли, люли, под заворы воду лить,
Под заворы воду лить, к Алексею заходить,*

Ох, люли-ли, люли, люли, к Алексею заходить:
 «Ликсей, сударь, встань, проснися, на меня, младу, не сердися
 Ох, люли-ли, люли, люли, на меня младу не сердись,
 Ох, люли-ли, люли, люли, люблю дружка ровна совет,
 Люблю дружка ровна совет,— при мне его здесь нет,
 Ох, люли-ли, люли, люли, при мне его здесь нет;
 Я заплачу, зарыдаю, чижалёхынька звездыхаю,
 Ох, люли-ли, люли, люли, чижалёхынька звездыхаю.
 Чижалёхынька звездыхаю, сваво дружка вспоминаю,
 Ох, люли-ли, люли, люли, сваво дружка вспоминаю!»

Свадебная песня записана этнографами 19 мая 1896 года на Хомякове хуторе Петровского уезда; эта и последующие песни, цитируемые в этой главе, даются в транскрипции фольклористов, записавших их со слов исполнительниц – крестьянок Саратовской губернии.

Звучали на свадьбах и шуточные песни, вроде вот этой, записанной в конце XIX века в селе Чернавка Петровского уезда:

Я по трафки шла,
 по мурафки,
 Чижоло несла:
 Коромыс и валёк,
 Ещо с милова платок!
 Уж ты милый, пиримилый,
 Душа ягода моя,
 Душа ягода моя,
 Висёлая голова!
 Ни садись проти миня,
 Ни гляди-ка на миня,

Ни гляди-ка на миня:
 Ни пойду я за тибя,
 За удалова молодца.
 Как удалый молодец
 Ходит браво, хорошо:
 Носит шляпу на ухе,
 Перчаточку на руке, –
 Эта шляпа со прикрасом,
 Со павлиным со пером,
 Со павлиным со пером,
 С позолоченым орлом.

А уж без частушек, когда пир в самом разгаре – какая свадьба? Сменяя друг друга, разряженные, развесёлые мужики и бабы, приплясывая и задорно поглядывая друг на друга, звонко выкрикивали четверостишия, быть может, только что сочинённые, подзадоривая своего соперника или соперницу в танце:

Сыпь, сыпь, Сашка:
 Три копейки чашка,
 Семь копеек дюжина, –
 Приди после ужина...
 Рукава спущу,
 Ночевать пущу!
 Ни ходи-ка через мост:
 По колен увязнишь;

Скажи, милай,
 чернобровый:
 Любишь или дразишь?

Я малодинька была, –
 Торговала воблой,
 А теперь стара стала, –
 Называют подлай!

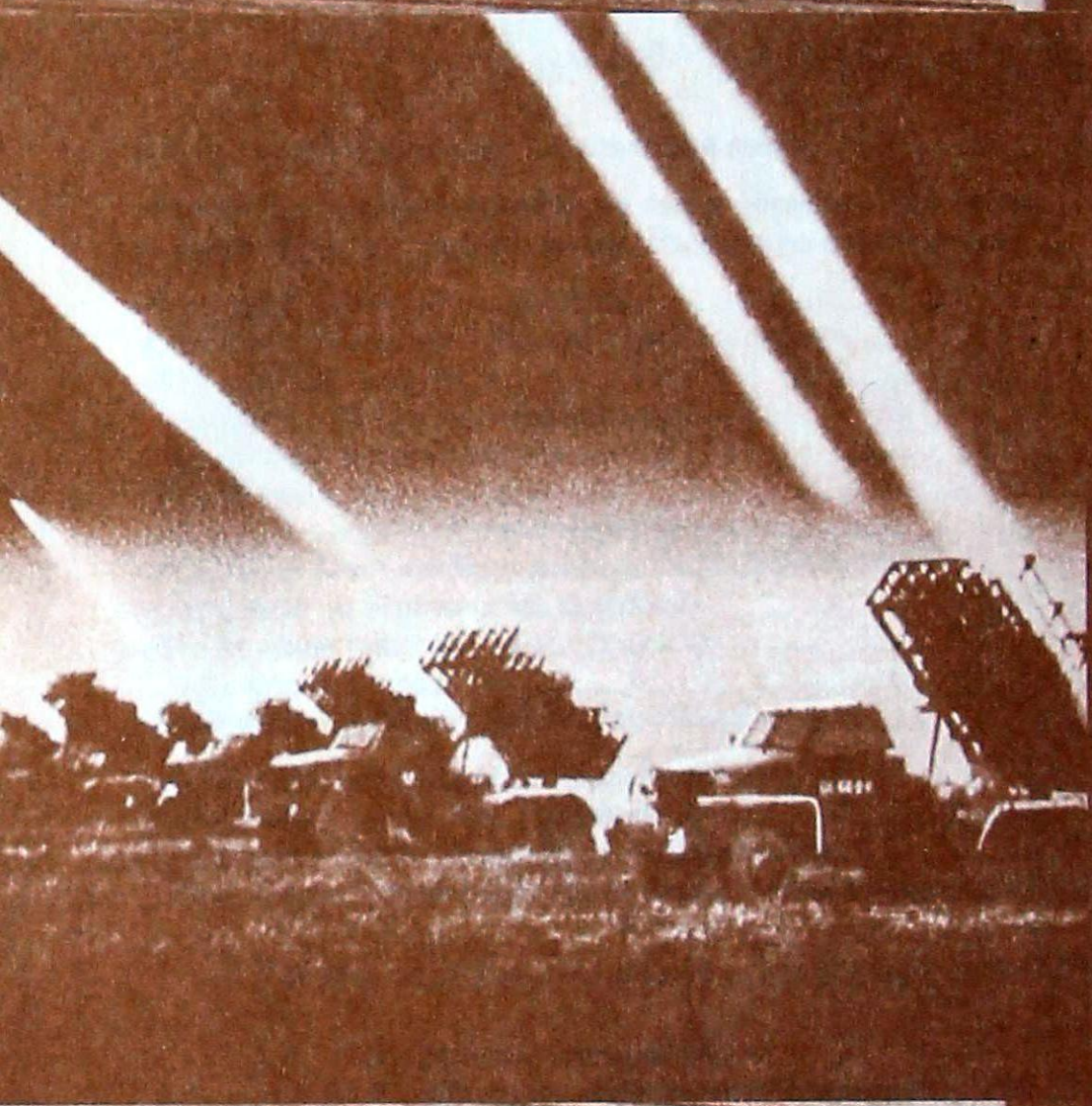
СОДЕРЖАНИЕ

И.Л. Егорова. Русланова – это русская песня	3
«Только бы унылыми буквами не врать чёрными чернилами в белую тетрадь». Необходимое объяснение с читателем	7
«Я росла в деревне, в Саратове»	11
«Сколько помню себя, столько помню и песню»	25
«И отвели нас в приют»	41
«Это было моё общее образование»	61
«Регент взял меня в церковный хор»	77
«И я пошла к нему учиться»	91
«Я пела им – прямо в раскрытую душу»	109
«Я больше всего любила русскую, народную песню»	141
«Едут, едут по Берлину наши казаки»	161
«Мы за наше чувство дорого платили»	179
«Пока я пою, я живу»	201
«За будущее русской песни я спокойна»	213
Лидия Русланова: концерт продолжается	235
Дискография песен Л.А. Руслановой	235
Русланова и Саратовский край. Библиография	237
XX век Лидии Руслановой. Даты жизни и вехи творческого пути	238

ИЛЛЮСТРАЦИИ НА ШМУЦТИТУЛАХ:

- А. Пластов. «Мама» – с. 11
- Е. Честняков. «Шабловский хоровод» – с.25
- В. Маковский. «Свидание» – с. 41
- Н. Богданов-Бельский. «Ученицы» – с. 61
- М. Нестеров. «Великий постриг» (фрагмент) – с. 77
- П. Федотов. «Портрет Н.П. Жданович» – с. 91
- Е. Честняков. «Слушают гусли» (фрагмент) – с. 109
- М. Бабурин. «На просторах целины» – с. 141
- Н. Жуков. «Победа» – с. 161
- Н. Ярошенко. «Всюду жизнь» – с. 179
- А. Пластов. «Молодые» – с. 201
- И. Глазунов. «Баян» – с. 213

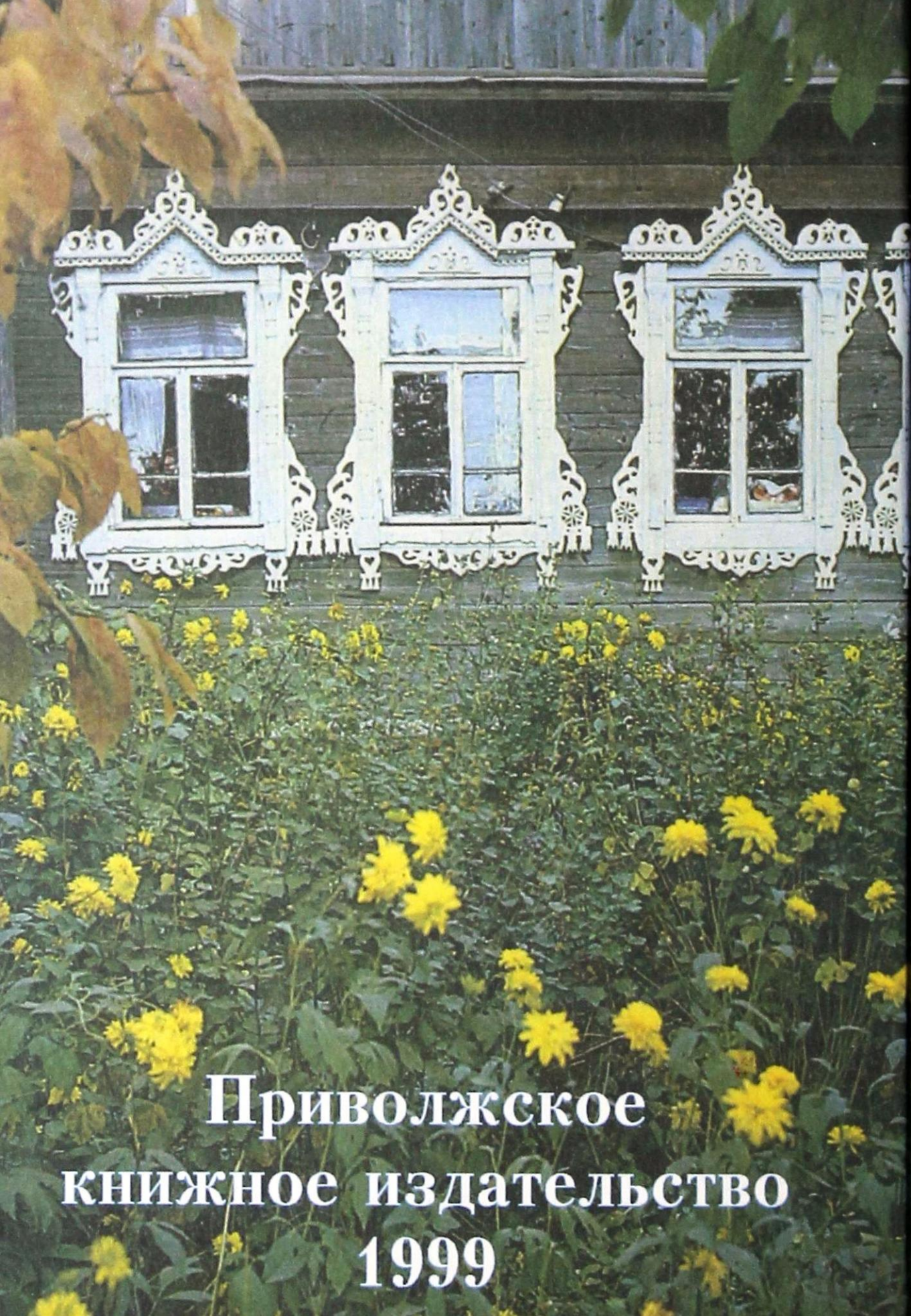

“Пока жив русский народ –
вечно жива будет и русская песня”.

Л.А. РУСЛАНОВА

25 p 89r

Приволжское
книжное издательство
1999